

И СНОВА ГРУЗИЯ... Мы едем в Ахалцихе. Там открывается новый драматический театр. Событие неординарное, тем более, что труппа нового театра целиком воспитана в Тбилисском театральном институте.

Дорога лежит через Боржомское ущелье. Если бы можно было устроить конкурс красоты природы, это ущелье претендовало бы на одно из первых мест в мире. Рисуешь свернуть себе шею в спираль в беспрерывном стремлении охватить и впечатлеть панорамы гор, насыщенных лесами до того, что, кажется, будто деревья собрались на гигантский митинг или нивергаются зелеными водопадами в долины в реки, а чаще думается, что природа устроила вернисаж, тектонически вздыбив леса в громадные пирамиды, украсив их гребни декоративными руинами древних крепостей.

А крутом легенды, легенды и легенды. Вот на двух рядом лежащих, но не смыкающихся возвышенностях стоят одинокие сторожевые башни. Оказывается, их воздвигли в честь и в память возлюбленных — пастуха и дочери князя, который, ослердя на неравную любовь, приковал любящих цепями к столбам на близком расстоянии.

Переносимся в давние времена на первом спектакле нового театра. Идет трагедия Отара Чхендзе «Тедоре». Выбор ее, видимо, продиктован тем, что действие разворачивается здесь же, на древней мекетской земле, к тому же исторический Тедоре — грузинский Султан, и его имя символизирует беззаветную преданность отчизне, способность человека отдать жизнь за народ. Правда, в пьесе взят не «султанский» эпизод из жизни Тедоре, но и в бирбе, которую он ведет против реакционного духовенства, готового служить чужеземным захватчикам, достаточно ро-

является негнбимое мужество славного патриота.

В специальном номере районной газеты, посвященном новому театру, как и на торжественном заседании, предварившем премьеру, много говорилось о том, что театр будет жить идеями и темами современности — пожелаем ему удачи! Театр молод, полон сил, хорошо воспитан и проявляет вкус и современными средствами сценической выразительности, о чем говорит прежде всего работа неправдоподобно молодого главного режиссера Цаны Деметрашвили.

2. ВСТРЕЧИ В ГРУЗИИ

Многое в малом — это не только необходимость, продиктованная размерами сцены, но и стремление быть сдержанными, сценически немногословными, внутренне выразительными...

Здесь уместно похвалить молодого Тамаша Хуцишвили, который в «Тедоре» нашел под руководством такого мастера, как Парнаоз Лавишвили, прием оформления, впечатляющий, если можно так выразиться, обратню пропорционально вложенным и примененным средствам. Из украшенного холста он скроил и полотно, драпирующие сцену в разных плоскостях, и минималистские ярысы. Оказались воссозданными суровая эпоха и монастырский аскетизм, оказался достигнутым сценический эффект сплочения массы в монолит, слияния ее с обстановкой, подчеркнутый тем, что у большинства икон, остро подсвеченной красным и синим, серые фигуры взрут обрамляющую трехмерность. Это использовано Наной Деметрашвили, которая минимизировала трагедию на ораториально-патетическом контрасте

статустарности и вырывающейся экспрессии движения. В том же направлении создана отличная музыка Отара Такташвили.

В суровый, но живописный фли хорошо выписываются и толпа монахов, в которой выделены Н. Мцариахили, О. Рехвиашвили, и хор девушек с ведущими Г. Хачия и Л. Сулуашвили, и группа темпераментных юношей. А уже на их фоне возникают выразительные фигуры героев — пламенного Тедоре (Тамаз Гамкрелидзе), его красавицы жены Нью (Галина Патадзе), его матери Хорэша (Та-

мара Черкезешвили).

Говорят, недорочно хвалить молодых — зазнаются. Но ведь и замалчивать достойных — не меньший грех. В театре очень много Галины Патадзе, в раздвинуто это чувство — она, совсем юная, делающая первые шаги на сцене, уверенно и бесстрашно ведет накаленную до предела трагическую роль женщины, у которой отняли детей, а затем и мужа. Тедоре Тамаз Гамкрелидзе — крепкий парень с открытым лицом и пламенеющим взглядом человека, исполненного веры в справедливость. В силу обстоятельств он отвечает на смерть своих детей, он восстает против своей среды, против веры в небо, видя единственного бога в земле, которая кормит человека, против чужеземных захватчиков, от которых хотят откупиться феодалы и священники. Тедоре сбрасывает с себя ярусы, чтобы в плажде войны возлать народ на изгнание чужеземцев. Это все невероятно трудно сделать, но ведь это и сыграть нелегко. Тамаз это играет, играет хорошо.

В другом спектакле, менее целостном, однако интересном, в «Кваркваре Тутабери» Поликарпа Какадзе, поставленном начинающим режиссером Давидом Цискаришвили, мекетский театр показал свою способность к комедии.

Почтительная и смешная история грузинского человека воздуха, в своих налелдах и претензиях столь легкого, что его может сдуть в любую сторону любой ветер, представлена в этой классической комедии со злой иронией в адрес псевдогороев и показного, дурного героизма.

Отар Рехвиашвили играет Кваркваре легко и броско. Поначалу пустой, но безвредный парень, жаждущий пожить хотя малой долей, лишь бы не трудился, Кваркваре раздувается в «фигуру», когда неожиданно оказывается во главе движущейся массы, которую перепуганные белки принимают за большевистскую армию.

Как указано в программке: «В массовых сценах и интермедиях участвует вся труппа» — и вся труппа действительно участвует в этом веселом, озорном представлении. Однако наряду с реальными образами и реалистическими картинками, иные из которых выполнены в хорошем плакатном стиле, есть недорogie карикатуры и непрофессиональные наигрыши.

Но, как говорится, простим горячечные лет и юный жар...

С рождением, молодые друзья!.. У вас есть что предъявить приходе в искусство, остается прикупить столько же и еще чуточку да познаться мужества, без которого не проживешь в театре, да уповать

на то, что окружающие будут столь же щедры на дела, как и на слова...

А мы едем в Варзиза. Тополиная аллея ведет к селу Рустави, по преданию, родине Шота Руставели. Его бюст установлен на отвесной скале, куда мы взбираемся по амсеченым ступеням, чтобы «меч безвестный из Рустави» принял наш земной поклон.

Можно многое рассказать о дороге, бегущей под наши колеса. О древней крепости Хортанис, выходящей на громадную скалу, стоящей у слияния двух рек — Джави-

хетисой Курь и Артаанской Курь, о Циндской церкви, построенной в эпоху царичи Тamar на рубеже XII—XIII веков, о развалинах города-крепости Тмоган, высеченном в скале монастыре Ванис Кавбери, где в малой церкви верхнего этажа сохранились рисунки и надписи, среди которых жалоба монахиши Гулаван: «Мануар привел (заточил) меня незамужнюю. Бог и эти святые свидетели тому, что краснее меня никто не ходил по земле, краше не было другой — ни лицом, ни станом, ни по нраву, и видевшие меня не упали меня во жни!».

Но цель этих заметок — театр... Однако мне везет — неожиданная слияется театр и природа: из радиоприемника, находящегося в машине, звучит знакомый голос. Это начинается передача творческого портрета Ахави Хоравы. Нужен ли лучший фон для таланта могучего грузинского актера, чем эти горы и долины, величавые крепости и храмы? Да, ведь эта земля и создала Хораву по образу и подобию своему, одарила его всем, чего толь-

ко может желать трагический актер: рослой фигурой атлета, чеканным лицом, лицевым, крутым лбом мудреца, органичной красотой голоса, величественным жестом властителя дум.

Он читает монолог Георгия Савандзе — трагический рассказ великого поджовца, отдавшего в заложники родного сына ради спасения отчизны. Летает речь — торжественная и прекрасная — из самых глубин души. И чувствуется, что на самой высокой башне стоит заколдованный в железо, в чешуйчатом панцире, с обнаженной головой и

развевавшимися по ветру волосами Саваказе — Хорава. А вот он в ликующей толпе после победы в Косте. Громадный, красивый, милый и лютый, он зажигает свечу на ргах буйволов, и пламя, отражаясь в его глазах, вспыхивает озорными огнями.

Но что это? За поворотом в лесной чаще мелькнула громадная пахота... Уж не Арсен ли это, славный разбойник, славный потому, что страшен только для богатых, а бедным — друг и брат? Или это Анзор, грузинский Вершинин, пришедший мстителем к партизанам, переплавленный большевистской революцией в коммуниста, сознательного борца с угнетателями?.. Я помню, какими откровением для мекетский был образ, созданный артистом, когда Театр им. Руставели привез потрясающий спектакль «Анзор».

Все чаще попадают голые скалы с глыбами-обломками вулканических пород, быть может, свидетели и жертвами катаклизмов XIII века, когда грандиозное землетрясение слилось с горячим

дыханием извергающегося вулкана. А я вижу, как каменеет лицо Отелло — Хоравы, когда в его доброй душе закипают вулканические страсти.

Я встречался со множеством исполнителей Отелло, среди них были Ваграм Папаян, Остужев, Юрьев, Подьяков, Касимов, Рыскулов, наконец (хочу же, не в последнюю очередь), Лоуренс Оливе, но такой могучей силы, такой скульптурной монументальности, как у Отелло — Хоравы, я не встречал. Естественное благородство выдающейся личности, пластические переходы от величавого спокойствия к ражому, гневному движению, покоряющая гармония внутреннего и внешнего, проявляясь по-разному в Анзоре и Карле Мооре, в Берсеневе («Разлом») и Грозном, поставили Хораву в ряд выдающихся явлений театрального искусства.

Хорава читает монолог Грозного перед гробом убитого сына. Рыдания сотрясают этого могучего, согнувшегося, в горе трагического царя, а мы везем на поезде в Варзиза, восхитившись шероховатому городу-монастырю, строившемуся Георгием III, завершающему его дочерью, царичей Тamar.

Вот их мозаичные портреты в Большой церкви, высеченной в скале, в центре пещерного комплекса. Здесь Тamar благословила Давида Сослана, вручив ему семидесятипятичное войско грузин, которое вскоре наголову разбило 400 000 солдат румского султана, вторгшегося в Грузию. Сюда вторгались многочисленные иноземные завоеватели, потрясая мудростью расчета, красотой архитектуры, великолепием убранства этого города-крепости-монастыря.

..Велик народ, создающий бесценные творения, выдвигающий замечательных артистов, пестующий молодых искусство!

М. ЛЕВИН.